

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Rachel Caine
SWORD AND PEN

SWORD AND PEN © 2018 by Rachel Caine LLC

Перевод с английского *Д. Кандалинцевой*
Художественное оформление *А. Андреева*
Иллюстрация на переплете *@elena.rudman*

Кейн, Рейчел.
К33 Меч и ручка / Рейчел Кейн ; [перевод с английского
Д. Кандалинцевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-203639-2

Джесс Брайтвелл и его друзья сделали невозможное и свергли правителя Великой библиотеки. Но их борьба на этом не окончена.

Архивариус планирует вернуться к власти. А сама Библиотека находится в осаде со стороны внешних королевств и империй. Теперь само ее существование под угрозой.

Джесс и его друзья вновь должны объединиться. На этот раз им предстоит решить: продолжить дело Библиотеки или разрушить все, что она собой представляла.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-203639-2

© Кандалинцева Д., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается читателям.
Писателям. Мечтателям. Книголюбам.
Библиотекарям, с любовью.*

ОТ АВТОРА

Данную книгу не удалось бы написать без любви и поддержки этих людей:

Р. Кэт Конрад,
Люсьен Дайвер,
Сара Симпсон-Вейс,
Энн Соуардс,
Джоан Мэдж,
Захира Калик

...и многих других, кто мне невероятно помог своими идеями, отзывами, вдохновением и драгоценным даром в виде своего времени и любви к этому проекту.

Также: спасибо креативному отделу в литературном агентстве Беркли за то, что сделали мои книги столь несравненно красивыми.

ЗАПИСКИ

Текст письма, написанного профессором Вульфом Каллуму Брайтвеллу. Доступно в Архивах.

Мистер и миссис Брайтвеллы,
с превеликой скорбью и сожалением вынужден вам сообщить о смерти вашего сына Брендана Брайтвелла, случившейся сегодня в городе Александрия. Я знаю, что это не может утешить вас в этот скорбный момент, но, возможно, в будущем вам станет легче на сердце, если вы будете знать, что мужество Брендана в последние дни и часы жизни стало примером для подражания и вдохновило каждого из нас, кто имел честь его знать. Он был рядом со своим братом во время битвы, и я уверяю вас, что Джесс жив, хотя и чувствует себя так же подавленно, как, должно быть, и вы ощущаете себя, получив эту печальную новость. Джесс был рядом с братом, когда он умирал, и кончина Брендана была милосердно быстрой и безболезненной.

Он сыграл важную роль в победе, достигнутой сегодня в Александрии во имя дальнейшего существования и защиты идеалов Великой библиотеки, и это немаловажно. Преданность Брендана своему брату была исключительной, и мы всегда будем чтить его память.

Я молюсь своим богам и вашим, чтобы душа Брендана обрела покой и чтобы вы тоже смогли найти в себе силы смириться с этой тяжелой новостью.

Для него будут организованы похоронные обряды, и, как только неотложные проблемы будут решены, я напишу вам, чтобы одобрить все детали. Мы будем рады поприветствовать вас в Александрии, где вы сможете увидеть своими глазами все почести, которые Великая библиотека окажет вашим сыновьям — как мертвому, так и живому.

Всем сердцем я скорблю вместе с вами. И даю вам свое обещание: всеми силами, которыми я обладаю, я буду бороться, чтобы сохранить жизнь Джессу. И хотя мы убеждены, что знания превыше всего, мы по-прежнему ценим каждую жизнь, вверенную нашей заботе.

Профессор Кристофер Вульф

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джесс

Брендан был мертв, и мир Джесса рухнул. Он не знал ни единого мига в жизни без своего близнеца, далекого тепла на горизонте, но теперь... теперь он дрожал в одиночестве, прижимая мертвого брата к своей груди.

Как же тихо теперь стало в мире.

«Он все еще теплый», — думал Джесс, и это было правдой; кожа Брендана все еще казалась живой, наделенной душой, но внутри у него ничего не было. Ни биения сердца. Ни присутствия духа.

Джесс смутно понимал, что вокруг него по-прежнему что-то происходит, что по окровавленному песку на арене бегают люди, сражаются, кричат и орут. Ему было все равно. Сейчас не до этого.

Пусть мир горит.

На Джесса упала тень, и он поднял глаза. Это был Анубис, огромный автоматизированный бог, сверкающий золотом. Черная голова шакала затмевала солнце. Напоминало конец света.

А потом Анубис выставил свое копьё вперед, и то пронзило грудь Джесса. Пригвоздило к месту, а тело Брендана внезапно исчезло, и Джесс остался один, нанизанный на копьё... но боли не было. Джесс чувствовал себя невесомым.

Анубис склонился над ним и сказал: «Просыпайся».

Когда Джесс открыл глаза, оказалось, что он лежит в темноте на мягком матрасе, укрытый одеялом, которое пахнет специями

и розами. За окном слева от него луна дрейфовала на лодке из облаков. Сердце Джесса тяжело и странно билось в груди.

Он все еще ощущал липкую кровь на своих руках, пусть и знал, что руки у него теперь чистые. Он смыл кровь Брендана. Нет, *он* не смывал. Это Томас принес чашу с водой и все оттер; Джесс сам ничего не делал. Он не мог. Друзья помогали ему тут, в этом странном доме и в этой странной кровати. Джесс понимал, что должен быть благодарен за все это, но прямо сейчас он чувствовал лишь пустоту и всепоглощающую несправедливость. Это был мир, который Джессу незнаком, где он был единственным выжившим сыном Брайтвеллов. Полублизнецом.

Джесс бы поставил немало на то, что Брендан окажется тем, кто переживет все и станет сильнее. А его брат поставил бы на это и того больше. Мир казался таким тихим без него.

«Тогда тебе просто надо быть громче, ноющий ты идиот. — Джесс почти слышал, как брат говорит это со своей привычной самодовольной ухмылкой. — Бог свидетель, ты вечно вел себя так, будто желал быть единственным ребенком».

— Нет, не хотел, — ответил Джесс вслух, хотя в тот же миг понял, что это вранье, и ему стало стыдно, а потом и еще более стыдно, когда из ближайшего угла в темноте раздался чужой голос:

— Проснулся, Брайтвелл? Как раз вовремя. — Послышался шорох одежд, и бледный зеленоватый светильник загорелся сначала тускло, а потом ярче. Мерцающая лампа стояла рядом с профессором Кристофером Вульфом, который выглядел как смерть во плоти, а еще так, словно готов был откусить голову первому, кто скажет, что он выглядит уставшим. В общем, он был жизнерадостным, как и всегда. — Сны?

— Нет, — соврал Джесс. Он попытался утихомирить свое все еще учащенное сердцебиение. — Что вы здесь делаете?

— Мы тянули жребий на то, кто будет сегодня твоей сиделкой, и я проиграл. — Вульф поднялся на ноги. Он успел переодеться в черную профессорскую мантию, которая струилась, точно жидкий шелк, делая его похожим на еще одну тень, если не считать седины в волосах, ниспадающих до плеч,

и бледной кожи. Вульф замер у кровати Джесса и посмотрел на него со спокойной уверенностью. — Ты потерял того, кто был тебе дорог. Я понимаю. Однако у нас нет времени на то, чтобы тешить твою скорбь. Впереди много работы, и нас, тех, кто может ее выполнить, теперь еще меньше.

У Джесса не возникло ни малейшего желания помогать.

— Удивлен, что вы считаете, будто я могу быть полезен.

— Жалость к себе тебе не идет, мальчик мой. А теперь я пойду. Мир не останавливается из-за того, что в нем нет того, кого ты любил.

Джесс чуть не вспылil: «Да что вам об этом известно?» Но остановился. Вульф потерял многих. Он видел смерть собственной матери. Так что Джесс проглотил иррациональный гнев и сказал:

— Куда вы идете? — Не *мы*. Он пока не решил, будет ли лучше остаться в этой кровати или пойти с профессором.

— В кабинет архивариуса, — сказал Вульф. — Ты там бывал. Мне могла бы пригодиться помощь в поисках его секретной документации.

«Кабинет». Джесс моргнул и увидел это место — великолепное помещение с автоматизированными богами, молча стоящими на страже в своих нишах. Увидел Александрийский залив, на который открывался вид из окон. Умиротворенное местечко. Джесс задумался, успели ли слуги уже оттереть кровь убитой помощницы архивариуса с пола. Архивариус приказал убить ее просто для того, чтобы наказать его. И Брендана.

«Брендан». Когда Джесс в последний раз был в том кабинете, Брендан был с ним.

Джесс сглотнул подкатившую волну растерянности и тошноты и сел прямо. Кто-то — опять Томас — помог ему снять запачканную кровью одежду и надеть чистую. Неформальный комплект одежды библиотечного солдата, в какой те ходили в свободное время в военной части. Мягкая, как пижама. Сойдет. Джесс свесил ноги с кровати, а потом замер, сделав глубокий вдох. Ему было... нехорошо. Не было никакой явной боли, на которую можно было бы все списать, лишь общее недомогание, слабость, которая пронизывала все мышцы

и нервы. Шок, как догадывался Джесс. Или стресс, накопившийся за последние несколько дней.

Может, это даже скорбь. Скорбь приносила подобную боль? Похожую на болезнь?

— Поднимайся. — Голос Вульфа прозвучал неожиданно по-доброму. Тепло. — Я понимаю, как это сложно. Но двигаться, кроме как вперед, некуда.

Джесс кивнул и встал на ноги. Отыскал свои ботинки — аккуратно поставленные у изножья кровати — и натянул их. Пояс с его библиотечным оружием был рядом, а пистолет по-прежнему в кобуре. Тяжелый и смертельный, Джесс ощутил себя чуть комфортнее, когда повесил его на бедро. «Мы на войне». Ему казалось, он всегда был на войне — его семья всегда боролась с Великой библиотекой, а потом он боролся за свое место в самой библиотеке. Затем Джесс сражался, чтобы сохранить мечту о Великой библиотеке. И впервые в жизни он задумался, каково это — мир и покой.

Волосы Джесса спутались и торчали во все стороны. Он провел по ним рукой, но те отказывались расчесываться, и Джесс просто оставил как есть.

— Ладно, — сказал Джесс. — Я готов.

Вульф мог бы что-то возразить; Джесс ожидал услышать нечто пренебрежительное и язвительное. Но Вульф лишь опустил руку Джессу на плечо, кивнул и повел за собой.

Дом, подумал Джесс, должно быть, принадлежал какому-то профессору — в гостиной за широким столом сидели профессора в черных мантиях и встревоженно переговаривались на греческом, который, видимо, был единственным языком, на котором разговаривали они все. Высокий мужчина с настолько темной кожей, что она приобретала кобальтовый оттенок; невысокая элегантная молодая китаянка; другой упитанный мужчина средних лет с отчетливо славянскими чертами лица. Их было, кажется, с дюжину, и сразу Джесс узнал только двоих. Никого из его друзей здесь не было, что оказалось отчасти удивительно.

Все разговоры стихли, когда Вульф подошел к столу. Никто не оспаривал того факта, что Вульф имел здесь авторитет.

— Мы отправляемся в кабинет архивариуса, — сказал Вульф. — Ваши мысли?

На греческом он, разумеется, говорит отменно; он вырос, разговаривая на нем в Александрии. Джесс владел языком не настолько уверенно, однако вполне сносно.

— Ловушки, — сказала китаянка. — Архивариус их очень любил. У него точно установлено немало ловушек, на случай если он потеряет власть. Есть какие-нибудь вести о том, где он...

— Нет, — сказал Вульф. — Мы предполагаем, что у него есть верные приспешники, которые готовы на все, чтобы его защитить. Наше преимущество заключается в том, что не самые приятные элементы этого города твердо на нашей стороне, а без преступников, способных вывести его за стены, он здесь в ловушке. С нами.

— Или же мы в ловушке вместе с ним, — сказал кто-то из профессоров, но Джесс не был уверен, кто именно.

Эти слова заслужили сердитый взгляд от Вульфа, и Джесс понял, что он способен раскромсать человека в лоскутки одним таким взглядом.

— Не думайте, что он всемогущ. Без равнодушия и пассивного согласия профессоров и солдат архивариус никогда бы не чувствовал себя свободным и не убивал бы любого на свое усмотрение, — сказал Вульф. — Мы отняли у него все это. Не наделяйте его большей властью, чем той, что он когда-либо заслуживал.

— Легко вам говорить подобное, профессор. — Это провоцирал мужчина, славянин, который говорил на греческом с почти неразличимым акцентом.

— Думаете? — Голос Вульфа стал резок и сух, а лицо приобрело оттенок обнаженной кости. — *Легко*. Мне. Общайте Архивы. Меня архивариус *стер* из истории, как и сотни других людей, чьего отсутствия вы даже не заметили. Ничего из этого не легко. И не должно быть легко. Убивать богоподобного короля должно быть *сложно*.

В этот момент Джесс вдруг осознал, что у архивариуса был ведь и другой титул: *Фараон Александрийский*. Бог-король. И без сомнения, этот озлобленный старик воспринимал

подобное обожествление вполне серьезно. «Но мы убьем его. Как-нибудь».

Ради Брендана, если не ради чего-то другого.

— Ищите нажимные пластины под полом, — сказала китаянка. — Он в основном вдохновлялся великим изобретателем Героном, который построил многие чудеса наших мест. Архивариус был прилежным учеником, так что его ловушки будут хитроумными, однако и очень классическими. Также у него, вероятно, была предусмотрена особая команда, которую необходимо отдать механическим стражам, чтобы те застыли, если внезапно пойдут в атаку. Понятия не имею, где вы все это будете искать, но именно этим вам стоит заняться в первую очередь. — Она задумалась. — А может... лучше позволить солдатам заняться этими вопросами, профессор.

— Потому что их жизни не так ценны, как моя? — огрызнулся Вульф, и та отвернулась. — Нет. Я знаю, что искать. Они не знают. Я знаю старого ублюдка куда лучше, чем любой солдат. Он был моим куратором на протяжении долгого периода наших жизней. Я понимаю ход его мыслей.

Джесс попытался представить, что Вульф был с архивариусом в тех же отношениях, как и они сейчас. Оживить вымышленную картинку не удалось. Как минимум потому, что Джесс не мог даже вообразить Вульфа молодым юношей. Поэтому он отбросил эту мысль как плохую идею и огляделся, заметив наконец кое-кого, стоящего в дверях и наблюдающего за беседой.

Дарио Сантьяго.

Далеко не самый любимый человек Джесса в мире, но Джесс теперь чувствовал себя рядом с испанцем куда более комфортно, чем раньше; они были врагами, осторожными союзниками, друзьями, опять врагами, однако все это время Дарио был *рядом*. Теперь эта мысль приносила некий покой в новом тихом мире, где не было брата. Джесс подошел и встал рядом с Дарио. Молодой человек стоял со скрещенными на груди руками, а еще он переоделся в роскошный бархатный пиджак, шелковую рубашку и брюки, явно сшитые портным на заказ. Он выглядел богатым и титулованным, каким и был на самом-то деле. Но Дарио никогда и не притворялся скромным.

— Брайтвелл. — Дарио кивнул.

Джесс кивнул в ответ:

— Сантьяго.

Они оба наблюдали, как профессора продолжают какое-то время спорить. Странно, подумал Джесс, что хотя Дарио и имел право носить черную мантию, но был не в ней. Джесс задумался, значило ли это что-то или же Дарио просто не хотел, чтобы мантия скрывала его дорогуший пиджак.

Наконец Дарио произнес:

— Значит, все в порядке? — Он легонько покачнулся на пятках, будто бы хотел ускользнуть от своего же вопроса. Или от Джесса. Однако остался на месте.

— В порядке, — подтвердил Джесс. Не в порядке, конечно, но Дарио и без того это знал, а так просто-напросто выражал свое сочувствие. Так себе попытка, но для такого, как он, вполне весомая. — Где Халила?

— С профессором Мурасаки, — сказал Дарио. — Они помогают собрать всеобщий Профессорский конклав. Говорят, мы сегодня будем избирать нового архивариуса. На худой конец завтра. Нам нужен лидер, которого не будут подвергать сомнениям, если хотим сохранить независимость Александрии; народы, которые выслали свои корабли, очень уж хотят *помочь*. — Он покачал головой. — Они прикрывают свое завоевание освобождением, знаешь ли. Намереваются ворваться и объявить Александрию своим протекторатом. Как только они это сделают, то разорвут нас на части и будут грызться из-за костей.

— Мы не можем этого допустить, — сказал Джесс.

— Нет. Отсюда и необходимость избрать нового архивариуса.

Джесс почувствовал желание улыбнуться, но не сделал этого.

— И ты не участвуешь в выборах? Я поражен.

— Заткнись, трубочист.

— Какой обидчивый, Ваше Королевское высочество, очень обидчивый.

Было что-то успокаивающее в этих случайных перебранках; это было похоже на дом. Одна константа в этой жизни:

они с Дарио всегда будут немного недружелюбными друзьями. Возможно, это было очень хорошо. Джесс доверял Дарио... до определенной степени. И конечно, Дарио чувствовал к нему то же самое.

— Корабли твоего кузена входят в тот флот, — заметил Джесс. — Полагаю, сегодня ты не ощущаешь благосклонности к родственникам?

— Если ты спрашиваешь, собираюсь ли я предать Великую библиотеку и отдать на растерзание Испании, то ответ нет. Не собираюсь, — сказал Дарио. — Но также я не хочу сражаться со своим кузеном. Не только потому, что он мне нравится. А потому что он хороший король, а еще очень умный и беспощадный. Он победит, если только мы не сделаем так, что цена победы окажется чрезвычайно высока. И я совсем не уверен, что именно можно считать высокой ценой.

«Мой брат уже умер во имя всего этого, — подумал Джесс. — Цена уже слишком высока». Однако вслух он этого не сказал. Джесс сглотнул, перебарывая внезапный спазм в горле, и сказал:

— Где остальные?

— Глен и Санти занимаются оборонительными укреплениями города. Томас... Бог его знает, скорее всего, развлекается с одной из своих смертоносных игрушек — не то чтобы это было бессмысленно. Морган с Искандером в Железной башне, они наводят порядок в рядах скрывателей.

— А ты чем полезным занят?

— Ничем, — отвечает Дарио. — А ты?

— Тем же в данный момент. Хочешь пойти с нами в кабинет архивариуса?

— Это опасно?

— Очень.

Ухмылка у Дарио вышла достаточно ослепительной, чтобы на мгновение затмить отсутствие Брендана.

— Отлично, — сказал Дарио. — Я в данный момент бесполезен, как сковородка для жарки шоколада.

— В таком-то пиджаке?